

лишь собственные силы; самою счастливою казалась жизнь Робинзона, когда онъ былъ одинъ. Стремлениемъ къ свободѣ заразились и тѣ русскіе, которые должны были добыть знаніе для русскаго народа. Хотя знаніе это было необходимо только для умиротворенія, оно принесено было не какъ миротворное, а какъ ведущее, напротивъ, къ разъединенію, къ раздору, ко враждѣ; вмѣстѣ съ пшеницею посѣяны были плевелы, которые готовы заглушить пшеницу. И такъ какъ русскіе, принесшіе знаніе, принадлежали къ сословію правящихъ, стремление къ свободѣ стало прилагаться къ управлению русскимъ государствомъ, и прежде всего, было освобождено отъ службы государству сословіе правящихъ, русское дворянство, при чемъ всѣ средства, которая давались дворянамъ для службы,—крестьяне и земля,—остались въ ихъ личную пользу, такъ что дворянамъ не надо было трудиться даже для поддержанія собственного существованія. Затѣмъ освобожденіе пошло глубже. Екатерина съ Бецкимъ задумали создать новую породу людей, свободныхъ отъ всякихъ предразсудковъ,—съ этой цѣлью и былъ основанъ Московскій Университетъ. Результатомъ всего этого явились всякаго рода самодуры, шелопаи, лишніе люди, Гамлеты Щигровскаго уѣзда, Ноздревы, Собакевичи, Чичиковы, дѣйствительно свободные не только отъ всякихъ предразсудковъ, но и отъ религіознаго чувства, почему и сталъ возможнымъ даже торгъ мертвыми душами. Мы не знаемъ, возбудилъ ли этотъ торгъ въ комъ-либо изъ читавшихъ поэму Гоголя священный ужасъ тѣмъ нечестіемъ, которое проявилось въ этомъ торгѣ. По всей вѣроятности, никто этого ужаса не ощущилъ, такъ какъ читаютъ *Мертвыхъ душъ* только интеллигенты, до такой степени освободившіеся отъ всякаго религіознаго чувства, что никто изъ нихъ даже не пойметъ, когда ему скажутъ, что торгъ мертвыми душами есть симонія, преступнѣцкая изъ симоній. Съ небольшимъ черезъ столѣtie послѣ основанія Московскаго Университета послѣдовало освобожденіе крестьянъ, вызвавшее ожиданіеувѣнчанія зданія, т. е. конституціи, которая есть въ самомъ принципѣ узаконеніе раздора, антагонизма, почему безъ партій конституція и существовать не можетъ; борьба же партій привела къ тому, что конституція обратилась въ Австріи въ забаву, въ Италии—въ кулачную расправу, во Франціи—въ игру, не стоящую свѣчъ, и въ праздное пустословіе—вездѣ,—какъ обѣ этомъ говорится въ „Философіи Обшаго Дѣла“, на стр. 259 и 418.

Въ настоящее время у насъ есть уже и парламентъ, и всякаго рода свободы въ томъ числѣ и свобода не исповѣдовать никакой религіи. Но религія есть разрѣшеніе вопроса о цѣли и смыслѣ нашего существованія: свобода не исповѣдовать никакой религіи есть свобода на безцѣльное и безмысленное, а слѣдовательно, и безнравственное существованіе, такъ какъ безцѣльное существованіе не можетъ быть нравственнымъ, въ такомъ существованіи нѣтъ основы для нравственности.—Такая свобода есть разрѣшеніе на вся. Трагизмъ положенія Россіи состоить въ томъ, что наши правители, которые по своему положенію должны сдерживать стремленіе ко всякаго рода свободамъ, грозящимъ государству распаденіемъ, въ сущности такие же освободители, какъ и требующіе свободъ, а потому наши правители, сдерживая одною рукою стремленіе къ свободамъ, другою рукою